

Соза Лилия Нисоновна

ВОЕННОПЛЕННЫЕ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ И ГЕРМАНСКОЙ АРМИЙ НА ТЕРРИТОРИИ БРОННИЦКОГО УЕЗДА МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (1916-1917 ГГ.)

В статье рассмотрено положение военнопленных австро-венгерской и германской армий на территории Бронницкого уезда Московской губернии в годы Первой мировой войны. На основании анализа архивных документов автором установлены численность и национально-конфессиональный состав военнопленных, условия содержания и сферы применения их труда. Выявлены различные формы протестных акций (от отказа от работ до побегов), которые были вызваны бытовыми причинами и не носили массовый и организованный характер.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/3-2/43.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 3(77): в 2-х ч. Ч. 2. С. 166-171. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(47)“1916-1917”

Исторические науки и археология

В статье рассмотрено положение военнопленных австро-венгерской и германской армий на территории Бронницкого уезда Московской губернии в годы Первой мировой войны. На основании анализа архивных документов автором установлены численность и национально-конфессиональный состав военнопленных, условия содержания и сферы применения их труда. Выявлены различные формы протестных акций (от отказа от работ до побегов), которые были вызваны бытовыми причинами и не носили массовый и организованный характер.

Ключевые слова и фразы: Первая мировая война; Московская губерния; военнопленные; численность; национальный состав и труд военнопленных; саботаж и побеги; меры наказания.

Соза Лилия Нисоновна, к.и.н., доцент

*Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна
livaso@list.ru*

ВОЕННОПЛЕННЫЕ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ И ГЕРМАНСКОЙ АРМИЙ НА ТЕРРИТОРИИ БРОННИЦКОГО УЕЗДА МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (1916-1917 ГГ.)

Первая мировая война, которую в Российской империи называли «Великой», «Большой», «Второй Отечественной», «Германской», сопровождалась невиданными ранее людскими потерями – более 10 миллионами погибших, умерших от ран и болезней. Война коренным образом изменила судьбы людей, которые находились не только в окопах, но и оказались пленными. Для этих людей плен стал источником моральных и физических страданий и явился серьезным испытанием на выживание вдали от Родины, в незнакомой и чуждой среде. Размышляя о разрушительной силе войны, один из героев-солдат романа «Огонь» известного французского писателя, журналиста и общественного деятеля Анри Барбюса с горечью заметил: «Материал войны – это мы. Война состоит только из плоти и души простых солдат. Это мы образуем... реки крови, все мы и каждый из нас незаметен: ведь нас великое множество...» [1, с. 324].

Отметим, что в конце XX – начале XXI в. на фоне многообразия трудов, посвященных Первой мировой войне, все чаще можно встретить исследования, главной целью которых стало изучение «человека в войне», в частности, проблем военного плена [3; 7; 13; 14]. Обследование фондов региональных архивов позволило историкам тщательно проанализировать положение военнопленных неприятельских армий на территории России – Урала, Сибири, Поволжья, Рязанской, Тамбовской, Саратовской губерний и др. [2; 5-9; 14]. В этих работах уделяется внимание численности и размещению пленных, конфессиональному и национальному составу, использованию их труда в различных отраслях экономики России, взаимоотношениям с местным населением и т.д. Заметим, перечисленные сочинения посвящены пребыванию пленных Четверного союза на территории крупных регионов или отдельных губерний. К сожалению, работы, посвященные пребыванию военнопленных на территории Московского военного округа и Московской губернии, в частности, отсутствуют. Предлагаемая статья является попыткой ликвидировать указанный пробел, конкретизируя условия содержания и труд военнопленных сведениями по Бронницкому уезду Московской губернии. Будучи известным поставщиком сельскохозяйственной продукции, уезд был знаменит ярмарочной торговлей и крупными текстильными предприятиями. Таким образом, здесь существовали значительные возможности использования трудового потенциала пленных как в промышленной, так и аграрной сферах.

Обследование фондов Центрального государственного архива г. Москвы (ЦГА Москвы), а именно Бронницкого уездного воинского начальника (ф. 1044), позволило выявить и впервые ввести в научный оборот материалы о нахождении военнопленных в Бронницком уезде. Основную массу документов составила делопроизводственная документация: переписка центральных, региональных и местных органов власти по вопросам организации размещения пленных. В указанных источниках содержатся сведения о количестве военнопленных в 1916-1917 гг., их национальном и конфессиональном составе, приведена статистика использования на различных видах работ, а также свидетельства о побегах, уклонениях от работ и болезнях пленных.

В Московском военном округе конвойные функции по отношению к военнопленным выполняла 15-я Московская местная бригада (подконтрольные территории – Московская, Владимирская и Нижегородская губернии). Здесь были устроены пункты постоянного размещения военнопленных с учетом их национальности. Так, города Вязники, Переславль-Залесский, Иваново-Вознесенск, Шуя, Калязин, Балахна стали местом сосредоточения пленных немцев и венгров. Славян и датчан размещали в городах Беженец, Суздаль, Юрьев-Польский, Нижний Новгород, Арзамас. В Московской губернии регистрационный лагерь для перемещения неприятельских военнослужащих находился в Павловском Посаде, где были собраны исключительно пленные славяне, преимущественно нижние чины [16, д. 72, л. 102 – 102 об.].

По российскому законодательству военнопленным должны были создаваться те же условия жизни, что и русским военнослужащим, т.е. в вопросах перевозки, размещения, довольствия, медицинского обслуживания военнопленные приравнивались к соответствующим чинам русской армии [4].

Привлечение пленных к работам в сельском хозяйстве и промышленности началось в 1915 году, причем в дальнейшем численность вовлеченных в трудовую деятельность пленных только увеличивалась [3, с. 97]. Первые упоминания о нахождении военнопленных в пределах Бронницкого уезда содержатся в отчетах

уездного исправника и относятся к 1916 г. (более ранних источников выявить не удалось). На территории уезда в начале 1916 г. размещалось всего 73 солдата австро-венгерской армии. Успешные действия русских войск на Юго-Западном фронте (в мае – июле) обусловили дальнейшее увеличение здесь контингента пленных (особенно австрийцев и румын). Так, к июлю их количество возросло в 4,3 раза (312 чел.), а к декабрю – в 6,4 раза (469 чел.) [16, д. 71, л. 8, 277, 508]. Согласно отчетам полицейского исправника, наибольшее число военнопленных размещалось в пределах уезда в январе 1917 г. – 706 чел. (увеличение в 9,7 раза от первоначального количества). Численность пленных не оставалась постоянной (вследствие их внутригубернских перемещений или отправки за пределы Московской губернии) и к июню немного сократилась – до 683 [Там же, д. 72, л. 325].

Национально-конфессиональный состав военнопленных был достаточно разнообразен и соответствовал этносам Австро-Венгерской империи (см. Таблицу 1) [Там же, д. 71, л. 98, 126, 129, 133-134]. В списках значились: мадьяры, румыны (католики, православные), словаки, австрийцы, поляки, хорваты, чехи, немцы (католики, евангелисты), евреи, итальянцы, украинцы. Отметим, что в Бронницком уезде, несмотря на преобладающие солдаты австро-венгерской армии (86%), размещалось немало и пленных немцев (14%).

Таблица 1.

**Этнический состав военнопленных, находившихся на работах
в Бронницком уезде Московской губернии (январь 1916 г. – июнь 1917 г.)**

	1916 г.						1917 г.		
	Январь	Май	Июль	Август	Октябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Июнь
Немцы	-	80	77	77	79	73	99	86	87
Австрийцы	40	83	155	206	204	267	506	405	395
Славяне	-	-	12	12	9	9	16	37	37
Румыны	33	33	33	33	121	120	85	164	164
Всего	73	236	277	328	413	469	706	692	683

С марта 1915 г. функции распределения военнопленных на работы перешли от Военного министерства к Министерству земледелия. Пленные Четверного союза использовались в сельском хозяйстве, на работах при железнодорожных станциях, промышленных предприятиях, при разгрузке топлива, а также привлекались земской и городской управами для местных нужд.

Анализ занятости пленных в Бронницком уезде позволил установить, что в наибольшей степени они были востребованы в торгово-промышленной сфере (40,5%) и меньше всего – на работах при путях сообщения (5,5%). На земских и городских службах и сельском хозяйстве использовался труд 27-28% военнопленных (см. Таблицу 2) [Там же, л. 8, 277, 325, 508].

Таблица 2.

**Занятость (по сферам работ) военнопленных
в Бронницком уезде Московской губернии (январь 1916 г. – июнь 1917 г.)**

Сферы работ	1916 г.					1917 г.		
	январь	май	июль	октябрь	декабрь	январь	февраль	июнь
Сельскохозяйственные	8	171	172	172	119	159	182	181
Земские и городские службы	-	-	5	100	145	228	192	184
Торгово-промышленные	65	65	100	141	205	279	281	278
Пути сообщения	-	-	-	-	-	40	40	40
Всего	73	236	277	413	469	706	695	683

В 1916 г. в связи с обострением в стране продовольственного кризиса расширилось использование австрийцев, словаков, румын на сельскохозяйственных работах. Здесь регулирующим документом явилось отношение начальника Московского военного округа, которое поступило к губернаторам в марте 1916 г. В нем отмечалось, что с сокращением посевных площадей и создавшимся серьезным положением в сельском хозяйстве «все число трудоспособных военнопленных» необходимо передать в Министерство земледелия «для обращения их на сельскохозяйственные работы». Настойчиво рекомендовалось отправлять на работы и «относительно слабых по состоянию здоровья», поскольку, «находясь на свежем воздухе, в относительно хороших условиях, они скоро смогут окрепнуть и стать полезными работниками» [Там же, л. 59]. В свою очередь, Московский губернатор Н. А. Татищев в июле 1916 г. предписал уездным исправникам «рекомендовать земским управам образовать из находившихся в их распоряжении военнопленных подвижные команды для полевых работ» «ввиду недостатка рабочих рук в крестьянских хозяйствах, препятствующего своевременному и успешному окончанию полевых работ» [15, д. 152, л. 217].

На протяжении 1916-1917 гг. число привлеченных в сельское хозяйство пленных изменялось в зависимости от сезона: составляя в уезде в августе 1916 г. 192 чел., оно плавно снижалось, достигнув минимума в начале декабря – 119 чел., к лету же 1917 г. вновь возросло. Отметим, что аграрный Бронницкий уезд, в отличие от соседнего промышленного Коломенского (здесь занятость военнопленных в сельском хозяйстве составляла 46%), не стал сферой применения основной части пленных в аграрных работах, поскольку не испытывал острой нехватки в рабочих руках в данной отрасли [12, с. 102]. Аналогичная ситуация наблюдалась в соседнем

аграрном Зарайском уезде Рязанской губернии, где около половины пленных также использовались на сельскохозяйственных работах [5, с. 43, 44].

Работа пленных в сельском хозяйстве регулировалась «Правилами об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» (Высочайше утверждены 28 февраля 1915 г.), где, в частности, указывалось, что земские управы, принимающие на себя распределение военнопленных, были обязаны: обеспечить содержание военнопленных и медицинскую им помощь со времени приема и до передачи в отдельные хозяйства; наблюдать за получением военнопленными продовольствия по возможности наравне с нижними воинскими чинами, а также одежды и обуви, необходимых для сохранения их здоровья, и за санитарным их состоянием на местах работ и т.д. Общее руководство охраною военнопленных вверялось чинам местной полиции [10].

Спустя год, в апреле 1916 г., МВД, опираясь на опыт применения этих «Правил» и мнения заинтересованных министерств (Военного и Земледелия), подготовило и направило на места «Правила выполнения сельскохозяйственных работ военнопленными». В документе говорилось, что «пленные обязаны начинать и кончать свои работы одновременно с русскими работниками; должны работать в дни своих праздников и в воскресенье вместе с остальными работниками». Однако пленным вместо воскресенья давалось право на отдых в один из ближайших будних дней недели («по усмотрению сельского хозяина (помещика)»). Правила предусматривали наказание за небрежное отношение к работе и непослушание. В случае выявления подобного поведения пленный мог подвергнуться «аресту на хлеб и воду до 7 дней» или же арест заменялся «принудительными работами по праздникам, в то время, когда остальные рабочие отдыхают, считая по 2 часа такой работы за каждый день ареста». В документе прописывалось, что «пища военнопленных не должна быть лучше пищи русских работников в том же хозяйстве», при этом «одинакового качества» [15, д. 152, л. 161-162]. Кроме того, переданные в распоряжение земской управе военнопленные могли быть «предоставляемы сельским хозяевам исключительно на работы за плату, размер которой, за время нахождения военнопленных на работах, устанавливался земскою управою» [10]. Из установленной платы не менее половины должно было выдаваться на руки военнопленным с отметкой о выданной сумме в рабочей книжке, а остальная часть поступала в распоряжение земства на покрытие издержек по приему и содержанию военнопленных, а также по их охране. Установленная плата фиксировалась 6 руб. в месяц и могла увеличиваться в период сельскохозяйственных работ.

Отчеты уездных исправников и станových приставов сохранили поименные списки землевладельцев и крестьян, пожелавших взять от земств пленных для сельскохозяйственных работ на лето 1916 г. Эти хозяева направляли соответствующие ходатайства в земскую управу; к ходатайствам обязательно прилагались оформленные в уездном полицейском управлении особые «подписки».

В Бронницком уезде пленные, занятые в сельском хозяйстве, размещались в крупных «экономиях» – имениях князя С. Д. Горчакова в селе Михалево (13 чел.), князя С. А. Оболенского в селе Никоновском (9), Е. П. Гедике в сельце Городищах (10), И. И. Нагель в деревне Аргуново (5), А. А. Варгина в селе Ляхове (4). Труд пленных немцев и мадьяр (41 чел.) использовался в имении княгини Прозоровской-Голицыной [16, д. 71, л. 98].

Кроме земской управы пленные привлекались к сельскохозяйственным работам и прокатными пунктами: Софьинским при селе Софьино, Давыдовским при селе Давыдово, Безсоновским при станции Конобеево, Синьковским при селе Синьково. Пилкой дров занимались румыны на лесной даче Д. Н. Колмыкова в деревне Юрасово, сушкой овощей для армии – на Софьинском сушильном заводе и в Юровской артели огородников в деревне Юрово. Архивные документы сохранили списки пленных немцев, мадьяр и румын. Это, например: Януш Дема, Флора Гук, Франц Рейзахер, Адольф Раш, Мартин Вольферт и мн. др. [Там же, д. 72, л. 126-129].

Среди желающих взять пленных на работы было немало крестьян. В этом случае (вместо казарм или сараев помещиков) военнопленные проживали в домах вместе со своими хозяевами. По мнению современного историка Н. В. Суржиковой, такой подход к проблеме размещения узников войны, исповедовавшийся повсеместно и фактически абсолютизированный, позволяя избежать лишних затрат, вместе с тем означал, что власти приняли факт ограниченности своих направляюще-контролирующих возможностей как данность, очевидную даже там, где тенденция «обарачивания» плена худо-бедно, но реализовывалась [14, с. 227].

В обязанности крестьян, помимо полного содержания пленных, входило и «очищение за ними отхожих мест и помойных ям». Но последняя «повинность» вызывала резкий протест у сельских обывателей. Известность получил инцидент в г. Починок (Смоленская губерния), где крестьяне обратились с просьбой к военным и полицейским властям «освободить их от этой унижительной обязанности очищать нечистоты их врагов». В силу этих обстоятельств командующий Московским военным округом нашел просьбу крестьян справедливой и приказал «производить очистку нечистот ассенизационными обозами», а где таковые отсутствовали, «к означенной уборке необходимо привлекать самих пленных». Такое же распоряжение последовало от начальника Московской местной бригады уездным исправникам губернии [16, д. 72, л. 369].

Быт военнопленных зависел как от указаний военных властей и уездной управы, так и от благорасположения хозяев к пленным. Они могли на первых порах дополнять свой рацион покупкой продуктов с рынка [5, с. 47]. Но в связи с углублением продовольственного кризиса в стране, и в частности в Московской губернии, Н. А. Татищев издал в октябре 1916 г. постановление, в котором владельцам торговых заведений запрещалась продажа продовольственных товаров военнопленным нижних чинов и офицерам. Продажа продуктов разрешалась только на базарах в установленные дни. Виновные в нарушении данного постановления могли подвергнуться тюремному заключению до 3 месяцев или штрафу до 3 тыс. руб. [15, д. 152, л. 396].

Строгие меры наказания вводились и в отношении трактирщиков, которые допускали военнопленных в свои заведения. Распоряжение по этому поводу Коломенский уездный исправник направил приставам г. Коломны в январе 1917 г. Приставы должны были взять расписки от содержателей трактиров и чайных лавок о «недопущении ни под каким предлогом в свои заведения пленных». Кроме того, на владельцев трактиров за несоблюдение

постановления «возлагалась ответственность перед судом». С целью сокращения потребления мясных продуктов военнопленными, находящимися на работах в с. Раменском, Бронницким уездным исправником воспрещалась «покупка мяса, птицы и дичи за собственный их счет» [16, д. 71, л. 53].

В 1916-1917 гг. значительно расширилось использование труда пленных в важнейших отраслях промышленности и на транспорте. Здесь их работа регулировалась «Правилами об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях» (Высочайше утверждены 17 марта 1915 года). Как следует из документа, разного рода предприятиям предоставлялось право получать военнопленных для работ «в мере действительной надобности» и определялся обязательный перечень документов для оформления таких работ; доставка военнопленных, расходы по обратной доставке, содержание (помещение, продовольствие, лечение, снабжение их одеждою, обувью, бельем, рабочими инструментами), а также содержание охраны осуществлялись за счет предприятий.

Обращение к отчетам уездного исправника позволило определить число военнопленных, занятых в промышленности: в начале 1917 г. здесь трудилось 279 чел., что составило 40% от общей численности. В Бронницком уезде пленные использовались на крупной бумагопрядильной фабрике товарищества «П. Малютин и С-вья» в с. Раменское. По прибытии на производство они подвергались обязательному врачебному осмотру на предмет определения трудоспособности. Так, контора Раменской фабрики уведомила уездного исправника, что прибывшие в декабре 1916 г. 27 нижних чинов «оказались не пригодными к работе». Всего же на производстве трудилось 69 пленных – 40 немцев и 29 румын; списки с их именами сохранились. Приведем некоторые: Франц Винклер, Карл Гаубиш, Людвиг Ферус, Иоган Шперк, Франц Церер и др. Отметим, что заработная плата пленных на промышленных предприятиях была значительно выше, нежели чем на сельскохозяйственных работах, и устанавливалась в зависимости от категории работ [Там же, д. 72, л. 132-134].

Отметим, что в Бронницком уезде, как и других уездах губернии, пленные использовались на железнодорожных работах, в основном на ремонте железнодорожных путей. Так, при станции Раменское Казанской железной дороги в распоряжении уполномоченного сенатора Нейдгарта находилось 6 пленных: Винценц Жила, Юзеф Зденек, Вацлав Кратохвиль и др. [Там же, д. 71, л. 227 об. – 228].

Неквалифицированный труд военнопленных применялся и в сфере городского и уездного хозяйства. Прибывшие в города и уезды пленные переходили в распоряжение органов местного управления, которые вели их учет и составляли списки. Например, в мае 1916 г. в Бронницкую земскую управу для выполнения разного вида работ поступило 80 пленных, а в ноябре 1917 г. туда же было направлено 35 чел. до окончания сельскохозяйственного сезона. В ведении городской управы числился 21 пленный, привлекавшийся к заготовке дров для нужд города [Там же, д. 71, л. 84, д. 72, л. 596].

Горожане, пожелавшие взять пленных для домашних работ, должны были направить соответствующее ходатайство уездному воинскому начальнику. Так, в декабре 1917 г. А. М. Федоров, проживавший в Бронницах, в заявлении просил об откомандировании ему Мигеля Отто, «находившегося там же» [Там же, д. 72, л. 594].

Согласно «Положению о военнопленных», заболевшие в плену солдаты и офицеры получали врачебную помощь на основании общих правил для российских войск и поэтому отправлялись на лечение наравне с соответствующими русскими чинами в ближайших военных и гражданских лечебных заведениях.

В апреле 1916 г. строевым отделением Московского военного округа было отдано распоряжение начальнику Московской местной бригады об обязательном прививании военнопленных оспенными и противотифозными прививками, с выписыванием прививочного материала из аптечного магазина. Заметим, что прививка для пленных нижних чинов являлась обязательной, тогда как офицеры прививались по желанию. Кроме того, запрещалось подписывать рецепты военнопленными-врачами и врачами-иностранцами, «поскольку те не имели права практики». Тогда же военно-санитарное управление округа направило начальнику бригады предписание, согласно которому получение медикаментов и перевязочных средств должно «совершаться на тех же основаниях, на каких производится для местных воинских чинов и чинов конвойной команды» [Там же, л. 88-89].

Находившиеся в Бронницком уезде пленные направлялись в случае болезни в земскую или городскую больницы, где врач проводил освидетельствование и давал заключение о годности к работе. По факту смерти пленного проводилось дознание для выяснения обстоятельств случившегося. Так, тщательное расследование провел полицейский надзиратель г. Бронницы по поводу смерти в Старо-Бронницкой земской больнице пленного австрийской армии Матиуса Демута, «27-ми лет, родом из Моравии». В больницу он был отправлен по рекомендации Бронницкого Елизаветинского комитета для лечения «рожистого воспаления», от которого и скончался. В целях предотвращения распространения инфекции одежда умершего подлежала, по мнению врача, уничтожению. На излечении в той же больнице пребывал и Павел Кальтнекер, работавший ранее на пилке дров в Бронницах [Там же, л. 112, 581].

В январе 1917 г. Бронницкий уездный исправник сообщал о поимке румына Деметра Попа, отказавшегося от работ и самовольно скрывавшегося в течение трех дней. В ходе дознания выяснилось, что пленный занимался пилкой дров в роще князя Оболенского, откуда и бежал. В рапорте подчеркивалось, что румын «страдал душевной болезнью» и «по внешнему виду производил впечатление ненормального человека». Пленный был задержан сельским старостой с. Вертково, который сообщил приметы бежавшего: «среднего роста, лицо чистое, брюнет, одет в серый короткий пиджак, на голове шапка с наушниками» [Там же, л. 75, 84, 86]. После врачебного освидетельствования Деметра Попа председатель Московской постоянной врачебной комиссии потребовал от Бронницкого уездного исправника отдать распоряжение «о направлении пленного в психиатрическое отделение военного госпиталя, как страдающего душевной болезнью» [Там же, л. 138].

Военнопленные воюющих держав имели право почтовой переписки с родными. В соответствии с приказом командующего Московского военного округа (июль 1916 г.) им разрешалось отправлять в месяц 4 открытки

и 2 письма. Корреспонденция пленных должна была отправляться «исключительно через соответствующее военное начальство», уездным исправникам же следовало «наблюдать за тем, чтобы офицеры и нижние чины никакими иными путями письма не отправляли» [Там же, д. 71, л. 54]. Примечательно, что пленные чехи и венгры в 1916 г. получили возможность вести переписку на родном языке. В письмах разрешалось сообщать о себе только «краткие сведения в строго определенной форме» и «в ограниченном количестве»: местонахождение и состояние здоровья. В вышеупомянутом приказе приводился примерный текст для открытых писем венгров: «Сообщаю, что я попал в русский плен. Я здоров, живется хорошо. Мой адрес...» [Там же, л. 281 – 281 об.].

За перепиской пленных осуществлялся строгий надзор со стороны военной цензуры, а на местах – полицейскими властями. Так, полицейскому надзирателю с. Раменское Бронницкого уезда предписывалось лишать права переписки тех военнопленных (с фабрики Малютина), у которых «в письмах будет обнаружен невидимый текст». Здесь же указывалось, что военнопленным запрещалось пользоваться открытками из грубой разноцветной бумаги, но разрешалось писать «на меловой блестящей бумаге, или на открытках из проклеенной бумаги, употребляемых для большинства карточек почтового ведомства» [Там же, д. 72, л. 24].

Несомненно, далеко не все находившиеся в плену были готовы безропотно переносить лишения и тяготы своего положения. Архивы сохранили многие примеры их уклонения от работ. В Бронницком уезде в июне 1916 г. находившиеся в имении княгини Е. Ф. Оболенской пленные румыны Иосиф Гаш и Константин Буя «категорически отказывались от работ, подстрекая с угрозами других пленных». Они мотивировали свой отказ плохой пищей, что при расследовании Бронницким уездным исправником не выявилось. В январе 1917 г. исправником подвергся аресту пленный Фройтцнер «за оскорбление на словах и действием и угрозу ножом заведующего мельницей», к тому же он «без всякого вызова со стороны заведующего стал швырять в него камни». Пленный мадьяр Иштван Пава, работавший у инженера Московского округа путей сообщения по переустройству Московской системы, агитировал пленных к побегу. Тогда же сообщалось о самовольном отлучении с сельскохозяйственных работ Хорвата Имра и Лаюша Кишлевича [Там же, д. 71, л. 145, д. 72, л. 9, 541].

Наряду с уклонением от работ, военнопленные неоднократно совершали побег из частных хозяйств, предприятий и железнодорожных станций, к которым они были приписаны. В мае 1917 г. начальник Бронницкой полиции сообщал о побеге военнопленных Бени Таут и Ивана Секрепиш, которые находились в распоряжении владельцев фабрики «Товарищество П. Матютина и Сыновья» и привлекались к работам по корчеванию пней [Там же, д. 72, л. 355].

Для того чтобы пресечь возможные побег, канцелярией Московского губернатора в июле 1916 г. было издано предписание об усилении надзора за пленными со стороны полиции. Согласно ему, полиция должна осуществлять постоянное наблюдение, следить, «чтобы пленные в свободное от работ время не оставались без охраны и без надобности не выходили за границы занимаемого ими помещения». В случае малейшего нарушения воинской дисциплины «военнопленных надлежало подвергать строгим взысканиям, соразмеряясь с качеством поступка» [15, д. 212, л. 194]. Однако указанные меры не могли предотвратить побег. В январе 1917 г. канцелярия Московского губернатора была вынуждена признать крайне слабую постановку надзора за пленными и указала на «необходимость учреждения временных полицейских стражников по окарауливанию пленных исходя из соображения целесообразности, чтобы на одного стражника приходилось не более 10 военнопленных». Слабая охрана, высокая степень рассредоточения по территории, массовые передвижения контингентов военнопленных, совершавшиеся между регионами, – все это упрощало пленным самовольное оставление места работы [6, с. 148].

Таким образом, условия содержания военнопленных в Бронницком уезде Московской губернии были схожи с положением пленных в других губерниях Центральной России. Многообразие форм вовлечения пленных в хозяйственную деятельность сомнений не вызывает. В целом в условиях массовых мобилизаций пленные играли немаловажную роль в устойчивом функционировании местного хозяйства и городских служб, однако общий их вклад в экономику уезда оценить сложно. Для самих пленных подневольный труд был, с одной стороны, обязанностью, с другой – возможностью улучшить свое положение. Но далеко не все военнопленные были готовы смириться с тяготами выпавших на них невзгод, и недовольство их выражалось в разного рода протестных акциях – от отказов от работы до побегов. Правда, выявленные в ходе архивного поиска факты протестных действий носили по преимуществу индивидуально-бытовой характер и не принимали формы массовых организованных беспорядков.

Возвращение военнопленных Четверного союза из России в свои страны начинается после подписания Брест-Литовского мирного договора в марте 1918 г. и завершается спустя шесть лет. Однако возвратились далеко не все. Одни, и таковых было немало, вовлеченные в революционные события 1917 года и Гражданской войны или же создавшие свои семьи, пожелали принять российское (советское) подданство. Другие же, скончавшиеся от ран и болезней, навсегда остались в русской земле.

Список источников

1. **Барбюс А.** Избранные произведения. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952. 560 с.
2. **Белова И. Б.** Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М.: АИРО-XXI, 2011. 288 с.
3. **Васильева С. Н.** Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: учебное пособие к спецкурсу. М.: Ред.-изд. центр МГОПУ, 1999. 133 с.
4. **Высочайше утвержденное Положение о военнопленных** // Собрание узаконений и распоряжений правительства. СПб., 1914. № 281. Ст. 2568.
5. **Давыдов А. Н.** Военные на территории Луховицкого края в годы Первой мировой войны // Земля Луховицкая: историко-литературный альманах. Рязань: Русское слово, 2015. Вып. 3. С. 41-52.
6. **Калякина А. В.** Под охраной русского великодушия. Военнопленные Первой мировой войны в Саратовском Поволжье (1914-1922). М.: Кучково поле, 2014. 304 с.

7. **Кондратьев А. В.** Военнопленные в городе Тамбове в период Первой мировой войны, 1914-1918 гг. // Город Тамбов в прошлом, настоящем и будущем: материалы Общероссийской научной конференции, посвящённой 375-летию основания города Тамбова. Тамбов, 2011. С. 165-168.
8. **Кондратьев А. В., Щербинин П. П.** Военнопленные и провинциальное общество Российской империи в период Первой мировой войны, 1914-1918 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2009. № 12. С. 354-357.
9. **Нахтигаль Р.** Мурманская железная дорога (1915-1919 годы): военная необходимость и экономические соображения. СПб.: Нестор-История, 2011. 320 с.
10. **Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы** // Собрание узаконений и распоряжений правительства. СПб., 1915. № 83. Ст. 715.
11. **Пылькин В. А.** Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на Рязанской земле в годы мировой войны и революции. М.: Горячая линия – Телеком, 2013. 236 с.
12. **Соза Л. Н.** Документы ЦГА Москвы о положении военнопленных Центральных держав на территории Коломенского уезда Московской губернии (1916-1917 гг.) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Киров, 2014. № 11. С. 100-106.
13. **Солнцева С. А.** Военнопленные в России в 1917 г. (март-октябрь) // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 143-149.
14. **Суржикова Н. В.** Военный плен в российской провинции (1914-1922 гг.): дисс. ... д.и.н. Екатеринбург, 2015. 550 с.
15. **Центральный государственный архив г. Москвы** (ЦГА г. Москвы). Ф. 492. Оп. 3.
16. **ЦГА г. Москвы**. Ф. 1044. Оп. 1.

AUSTRO-HUNGARIAN AND GERMAN PRISONERS OF WAR WITHIN THE TERRITORY OF BRONNITSY DISTRICT OF MOSCOW PROVINCE (1916-1917)

Soza Liliya Nisonovna, Ph. D. in History, Associate Professor
State University of Humanities and Social Studies in Kolomna
livoso@list.ru

The article examines the status of Austro-Hungarian and German prisoners of war within the territory of Bronnitsy district of Moscow province in the years of the First World War. On the basis of archival documents the author identifies the number and national and confessional structure of the prisoners of war, prison conditions and spheres of their labour. The paper describes different forms of protest actions (from sabotage to escapes), which were motivated by poor living conditions and were not actually large-scale.

Key words and phrases: The First World War; Moscow province; prisoners of war; number; national structure and labour of prisoners of war; sabotage and escapes; forms of punishment.

УДК 1:930

Философские науки

В статье рассматривается актуальная и малоисследованная проблема синхронистичности. Анализируются возможные пути построения моделей синхронистичности. Показываются варианты цивилизационных кризисов социального уровня организации материи. Утверждается, что синхронистичность как атрибут социальных процессов может представлять опасность для человечества XXI в. Выявляются основные опасности синхронистического проявления в эпоху информационных технологий.

Ключевые слова и фразы: синхронистичность; синхронизм; СЛЕНТ; предмет повышенной опасности; цивилизационный кризис; теория катастроф.

Стерледев Роман Константинович, д. филос. н., доцент
Пермский государственный медицинский университет
4438767@rambler.ru

Стерледева Тамара Дмитриевна, к. филос. н., доцент
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
cenzia@rambler.ru

СИНХРОНИСТИЧНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ

XXI век ставит перед человечеством ряд принципиально новых проблем. Одной из наиболее важных и неразработанных среди этих проблем является, на наш взгляд, проблема синхронистичности. И чем дальше, тем больше эта проблема начинает привлекать к себе внимание [3-5; 8; 11].

Термин «синхронистичность» предложен К. Г. Юнгом, более тридцати лет изучавшим этот феномен и внесшим наибольший вклад в его исследование. К. Г. Юнг как исследователь обратил внимание на странные смысловые совпадения событий, связь между которыми не может быть объяснена причинно-следственной зависимостью и, по мнению К. Г. Юнга, «требует другого принципа объяснений» [11, с. 198]. Юнг предположил, что синхронистичность представляет собой акаузальную связь между различными явлениями социальной жизни [Там же].

Среди философов и естествоиспытателей существует две крайние точки зрения на проблему синхронистичности. Согласно первой точке зрения, синхронистичность – это случайное совпадение и ничего интересного здесь быть не может, мало ли всяких совпадений может быть среди случайностей. Никакой проблемы